

А. А. ТУРЫГИН

БИЛЕФЕЛЬДСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Речь идет об основных вехах преемственности в современной немецкой историографии, рассматриваются и анализируются основные историографические подходы к изучению прошлого, научные школы и отдельные личности, сравниваются микро- и макроподходы к социальной истории. В статье сделана попытка осмысления новых историографических подходов, развиваемых в трудах современных немецких историков в контексте их критики и научно-исторических дискуссий.

Ключевые слова: *историография, преемственность, парадигма, дискуссия, микро- и макроподход в истории, социальная история.*

В 1960-70-е годы в исторической науке Германии, на фоне её кризиса, влекущего за собой смену парадигм или, по словам Йорна Рюзена, «дисциплинарной матрицы», развернулась широкая дискуссия о теоретико-методологических основах исторической науки¹.

Историки, представлявшие первое послевоенное поколение – «поколение 1945 года», не стали ограничиваться проявлением явного интереса к участию в теоретико-методологических дискуссиях, а стремились эмпирически доказать возможность развития историографии с учетом тех новейших изменений, которые происходили в науке. При этом имелся в виду опыт, который вместо укоренившихся еще в XIX в. идеалистических традиций и прежней изоляции немецкой историографии от других наук, прежде всего наук о человеке и человеческом обществе, смог бы расширить её предмет.

Необходимость пересмотра традиционных концепций и подходов была вызвана состоянием глубокого кризиса исторической науки в целом. Её ориентация на политико-дипломатические сюжеты преимущественно из истории античности и средневековья, акценты на уникальности исторических феноменов и академизм методов обучения разрывали связи с современным обществом, лишая историческую науку важной функции – прогнозировать будущее развитие общества с учетом тех изменений, которые в нем произошли. Поскольку в истории человечества в первую половину XX в. Германия играла едва ли не главную роль, более того, страна на себе испытала все последствия от увлечен-

¹ Цит. по: *Rürup*. 1977. S. 6.

ности милитаризмом и национал-социализмом, то важно было понять, какие уроки немцы извлекли из недавнего прошлого, а также, почему уже после «катастрофы 1945 года» страна (Западная Германия) активно включилась в новый этап военно-политического противостояния, став активным участником «холодной войны». На все эти вопросы должны были ответить историки...

В 1970-е гг. свой взгляд на пути возможного реформирования историографии ФРГ, постоянно ссылаясь на её интегративную связь с другими науками, предложили историки нового поколения, родившиеся в период между 1930 и 1940 гг. Они «хотели изменить не только содержание и методы исторической науки, но и учредить другой научный стиль, который бы основывался на частых дискуссиях и на равном дискурсе, вместо профессорского выступления за кафедрой»². Заявив о необходимости пересмотра теоретико-методологических основ традиционной историографии, они обратились к социально-исторической проблематике. При этом под социальной историей, с одной стороны, они понимали историю социальных структур, процессов и коллективных действий, а также, историю классов, сословий и социальных слоев, историю объединений, союзов, мобильности, урбанизации и т.д. С другой стороны, социальная история понималась ими в качестве определенного способа рассмотрения, позволяющего интерпретировать историю человеческого общества, находя в ней причинно-следственные связи и закономерности. В этой связи социальную историю довольно часто позиционировали как «историю общества», предметом которой являлось общество «в совокупности социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, скрепленных в определенные общественные формации»³.

В современных немецких учебных пособиях по теории и методологии истории, трансформация и поворот историографии в сторону социально-структурных подходов, произошедшие в 1960-70-е гг., принято называть революционным⁴. Такая оценка была дана в связи с тем, что за вторую половину минувшего века в Западной Европе и, в частности в Германии (ФРГ), были пересмотрены теоретико-методологические основы исторической науки, расширен её предмет и введены новые исследовательские методы. На историографии это отразилось постановкой новых вопросов и актуализацией научно-исторических дискуссий.

² Nolte. 2002. S. 57.

³ Geschichte und Gesellschaft... Н. 1. 1975. S. 5.

⁴ Jordan. 2009. S. 108.

В небольшом эссе по итогам беседы со своими коллегами авторитетный немецкий историк Г.-У. Велер, участник научных споров середины XX века и непререкаемый лидер Билефельдской школы, за себя и своих современников подвел некоторый итог, ссылаясь на Т. Куна и его исследование революционных преобразований в науке: «Мы все в какой-то степени и всегда осознанно претендовали на то, чтобы обеспечить ту самую смену парадигмы»⁵. Велер, однако, дает более взвешенную оценку, утверждая, что проект социальной истории, с которым связывался пересмотр традиционных исторических подходов, не представлял собой революционный путь, социально-исторический подход полностью не менял облик исторической науки, а, скорее, модифицировал и расширял традиционные теоретические и методологические принципы.

Принципиально важным для немецкой историографии всегда оставался фактор исторической преемственности поколений, о котором, давая ценку повороту к социальной истории, говорит Г.-У. Велер. Преемственность поколений, а, соответственно, традиций историописания, является едва ли не самым важным фактором развития немецкой историографии, которая долго развивалась в стороне от любого внешнего воздействия. Нарушение традиций могло привести к обострению проблемы национальной идентичности. Национал-социалистический «надлом», произошедший в новейшей германской истории, во многом обострил проблему преемственности и требовал поиска альтернативных путей дальнейшей самоидентификации немецкой нации с новым федеративным государством. Наиболее остро проблема преемственности встала среди немецких историков, целое поколение которых фактически было связано с национал-социалистическим государством.

Попытка определения линий преемственности стала предметом отдельных дискуссий, развернувшихся в 1960–1970-е годы. Часть историков настаивала на полном игнорировании и неприятии недавнего прошлого, вытеснив его на задворки общественной памяти. Одной из причин такого отношения было намерение отмежеваться от поколения историков, дискредитировавших себя связью с национал-социалистами, и заявить о появлении «другой истории», испытавшей воздействие англо-американской и французской историографии. Следует учесть еще и то, что новое поколение историков, получивших профессию в 1960–1970-е гг., завершило свое образование вне Германии. Другие настаивали на сохранении преемственности, приводя соответствующие аргументы. Характерной особенностью современной немецкой историографии

⁵ Wehler. 2006. S. 81.

проблема преемственности поколений стала потому, что была тесно связана с предпосылками появления новых направлений историографии (дискуссия о «коричневых корнях исторической науки» в ФРГ) и дискуссиями о связи целого поколения историков с национал-социализмом.

Если в середине прошлого века и позже историки ФРГ категорически отказывались признавать наличие определенной линии преемственности в немецкой историографии, о чем свидетельствует серия интервью с ними, опубликованная в 2000 г. под общим заголовком «Вопросы без ответов. Немецкие историки в тени национал-социализма»⁶, то в начале XXI в. они дают уже более взвешенные оценки⁷. Так, благодаря исследованиям современного билефельдского историка Вилли Оберкромме была установлена связь между социально-критической историей Г.-У. Велера и Ю. Кокки и фольшистской историей эпохи национал-социализма (Г. Ипсен, К.А. Мюллер, В. Шюсслер)⁸. Также была установлена преемственность взглядов историков Билефельдской школы с предыдущим поколением (О. Бруннер, В. Конце, Т. Шидер).

Большой вклад в развитие немецкой историографии, соблюдая в некоторой степени традиционную линию преемственности, внесли историки Билефельдской школы, развивавшие социально-критическое направление историографии. Образование Билефельдской школы относится к началу 1970-х гг. (по Велеру – 1972 г.). Научная школа образовалась в Билефельдском университете, который был основан в 1969 г. как университет нового типа.

Основание университетов «нового типа» было частью реформы системы образования в ФРГ в конце 1960-х гг. Как утверждает Велер в одном из интервью, «новый облик» Билефельдского университета формировался в меньшей степени с участием чиновников, а в большей – с участием ученых, в скором времени получивших там профессиу. Много усилий для открытия университета приложил Г. Шельски, который являлся известным сторонником широкого применения принципа междисциплинарности в научных исследованиях. Так, практически сразу с открытием университета, в нем начал функционировать Центр междисциплинарных исследований (ZiF), существующий и поныне. Зеленый цвет университета стал своего рода отражением общей надежды на обновление традиционной научной парадигмы⁹. Лидеры Билефельдской школы получили профессору в университете, возглавив кафедры:

⁶ *Versäumte Fragen...* 2000.

⁷ *Козеллек*. 1993. Вып.1; *Wehler*. 1998; *Wehler*. 2006.

⁸ *Oberkrome*. 1993.

⁹ Интервью с профессором Билефельдского университета Г.-У. Велером...

Ю. Кокка – кафедру социальной истории, Г.-У. Велер – кафедру всеобщей истории XIX–XX вв.

«Новый облик» университета формировался с участием приглашенных специалистов, как правило, немецких историков, получивших образование за пределами страны и защитивших диссертации после войны. Их восприимчивость к современным тенденциям гуманитарного знания в США, Великобритании, Франции и Италии, мобильность и увлеченность междисциплинарными исследованиями обеспечили обновление традиционных концепций и подходов, развиваемых в немецкой историографии. Хотя и нельзя было говорить о разрушении линии преемственности, многое из того, что было предпринято историками Билефельдской школы и изложено в многочисленных трудах, для немецкой историографии являлось принципиально новым: ориентация исследований на разработку исторических теорий, позволяющих все-сторонне охватить исторический процесс; принцип междисциплинарности, в соответствии с которым предпочтение в исследовании должно было отдаваться междисциплинарным связям истории с другими науками; критика существующей социальной действительности; преимущественная ориентация на исследование относительно долговременных процессов, структур, условных связей между явлениями в макроисторическом контексте; акцент в исторических исследованиях на политико-педагогической функции и т.д. Новые идеи нашли отражение в трудах Г.-У. Велера, Ю. Кокки, Г.-Ю. Пуле, К. Клессмана, В. Моммзена, известных не только как создатели ряда историко-теоретических работ, но и как авторы многочисленных социально-исторических и историко-экономических сочинений.

Билефельдские историки предложили собственный научный (макроструктурный) подход к изучению прошлого. В его основе лежит сформулированная Максом Вебером концепция модернизации, где основным критерием исторического движения общества выступает его постепенная рационализация во всех сферах и областях (экономика, политика, культура, социальная структура). В то же время, как отмечал Г.-У. Велер, в определенной мере на билефельдскую школу повлияло творчество К. Маркса, точнее «раннего К. Маркса» (идеи, развиваемые мыслителем в 1840-е гг.). К идеям «молодого Маркса» они относили идею о том, что общественное бытие определяет сознание человека и его действия, и что сам человек не является, таким образом, творцом истории, а действует в определенных условиях. Это позволило билефельдским историкам обратиться к исследованию условий развития

человека. Идеи о влиянии на становление человека и его деятельность общественных структур, и роли экономического фактора в историческом процессе (социальное есть следствие экономического, а политическое есть последовательно оформленные социальные интересы), также были восприняты билефельдскими историками.

Идеи и теории, развиваемые историками Билефельдской школы, были перенесены на конкретные исторические исследования и представлены в многочисленных исторических и методологических трудах.

Исторические исследования билефельдцев артикулировали центральную идею концепции «Истории общества» Г.-У. Велера. По мнению самого ученого, «история общества преследует цель создания исторического синтеза, на основании которого можно было бы лучше интерпретировать и больше описывать, чем это было возможным в рамках старых подходов, сконцентрированных на политической истории». Кроме того, замечает Велер, «если в целом характеризовать историю общества как новый способ синтеза, не нужно ничего выдумывать, а предложить исследовать различные исторические величины, взятые из общественной жизни. Из них я выбрал лишь четыре: экономику, социальную структуру, политическое господство и развитие культуры. Я стремился при помощи четырех-пяти величин, называя их осями, исследовать их синтез, не повторявший тот, который существовал в прежней истории внешней и внутренней политики»¹⁰. Предложенный Велером подход к социальной истории позволяет рассматривать историю человеческого общества не как однолинейный, а как многомерный, многосторонний и динамичный процесс. Ключом к пониманию этого процесса для ученого является теория модернизации. В «Истории» Велера поступательное развитие общества гармонично сочетается с идеей модернизации, которая охватывает почти все его сферы (экономику, политику, социальное неравенство).

На примере германской истории Г.-У. Велер доказывает, что модернизационные процессы могут осуществляться неравномерно. Для этого историк обращается к понятию «двойной революции», посвятив его исследованию второй том «Истории германского общества» (1815–1845/49 гг.). Понимая революцию, как «ограниченный во времени и насильственно ускоряемый процесс структурных изменений», Г.-У. Велер анализирует эпоху политической и промышленной революций в Германии первой половины XIX века¹¹. Ученый приходит к выводу, что не-

¹⁰ Там же.

¹¹ *Wehler*. 1987. S. 50.

равномерность структурных изменений первой половины XIX века нашла свое выражение в «успешной промышленной революции» и «потерпевшей крах политической революции»¹².

Структурно-исторический подход к изучению прошлого, развиваемый в трудах историков Билефельдской школы, стал предметом критики в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Под влиянием лингвистического и культурного поворотов, приведших к появлению «другой истории», взгляды билефельдских историков подверглись критике со стороны их учеников, представлявших другое поколение историков (П. Нольте, Т. Мергель, Т. Вельскоп, Т. ванн Раден, С.-Л. Хоффман, С. Голтерман, У. Фреверт). Их критика была направлена как на макросоциальный исторический подход в целом (она стала продолжением «первой волны» критики в адрес историков Билефельдской школы представителями исторической семантики, исторической антропологии и микроистории Т. Ниппердая, Р. Козеллека, Г. Медика, Д. Блэкборна, Д. Элея), так и собственно исторические исследования.

Следующее поколение ученых подвергло сомнению революционный характер социально-исторического поворота середины прошлого века, отметив лишь его роль в переориентации немецкой историографии¹³. Ссылаясь на современное понимание социально-исторического макроподхода Билефельдской школы как «ограниченного, социально-статического, интерпретативно-детерминированного», основанного на «социально-экономическом и структуралистском редукционизме», Томас Вельскоп и Томас Мергель сделали вывод лишь о социально-исторической переориентации историографии¹⁴. Рассуждая о смысле и содержании социально-исторического подхода Г.-У. Велера и Ю. Кокки, они указывают, что часть названия - «социальный», демонстрирует, что историки стремились больше учиться у социологии и экономики, чем у филологии¹⁵. В этом случае вторая часть названия – «исторический», по мнению Т. Вельскопа и Т. Мергеля, была важна, чтобы подчеркнуть верность традициям немецкой историографии, вернее, её герменевтическому методу работы с источником¹⁶.

¹² Ibid. S. 583.

¹³ Г.-У. Велер в интервью указал на то, что Билефельдская школа, как гомогенное научное сообщество, прекратила свое существование в конце 1980-х гг., так как большая часть ее представителей оставила Билефельдский университет, получив профессию в других немецких и европейских университетах.

¹⁴ Welskopp. 1998; Mergel, Welskopp. 1997. S. 9-35.

¹⁵ Mergel, Welskopp. 1997. S. 17.

¹⁶ Ibidem.

Ученик Велера профессор Пауль Нольте из университета Бремена также отмечает социально-структурную ориентацию подхода историков Билефельдской школы. Он пишет: «Вместе с Ю. Коккой, Г.-У. Велер внедрил в процесс обучения в университете программу, которая концентрировалась на интерпретации современного общества с точки зрения теории и исследования социальных структур и процессов, установив особый порядок сдачи экзаменов»¹⁷.

Критика Билефельдской школы с позиций современного культурно-исторического подхода, который выступил фактором идентификации нового поколения историков (ученики Г.-У. Велера, Ю. Кокки, Г.-Ю. Пуле), стала следствием проникновения в историографию постмодернистских идей из Франции, Англии, США. Теоретические дебаты о «культуре» стали продолжением дискуссий между сторонниками макро- и микроподходов к интерпретации прошлого, и уходили корнями в дихотомическое соотнесение «структуры» и «действия», «объективного» и «субъективного» в истории. Противоречия между представителями двух подходов выражались в соотнесении «большой структуры» и «маленького жизненного пространства»¹⁸. Суть критики сводилась, во-первых, к недостаточному вниманию историков «билефельдской школы» к процессам образования структур. Вследствие этого, по мнению Т. Мергеля и Т. Вельскоппа, прошлое для социальных историков предстает не как «хаос», – о чем писал М. Вебер, – а, напротив, уже обладает структурностью... Структуры, представленные в качестве идеальных типов, проектируются у них сами по себе, не нуждаясь в людях, которые их же и формируют... Таким образом, расходясь с идеей М. Вебера, историки Билефельдской школы приближаются к критикуемому ими же историзму с его постулатом о действии в истории закона, определяющего общественный уклад независимо от любого влияния... Во-вторых, действующий и формирующий структуры человек, никогда не предстал в трудах социальных историков как созидающий субъект. Напротив, он характеризовался как «нерегулярность», за которой, при помощи структурных интерпретаций, может быть обнаружена «регулярность»¹⁹.

«Структуралистский упрек» в адрес историков Билефельдской школы основывался на расхождении в понимании объекта исследования. В статье «Социальная история отцов. Границы и перспективы социально-исторического подхода» Т. Вельскоп указал на то, что для поколения

¹⁷ Nolte. 2002. S. 60.

¹⁸ Людке. 1999.

¹⁹ Mergel, Welskopp. 1997. S. 22.

Г.-У. Велера понятие «общество» представляло собой основную категорию, объединяющую отдельные, структурно представленные исторические феномены («оси» у Велера) – экономику, политику, культуру. Эти феномены можно было интерпретировать «только теоретически, в рамках знания о системе», в качестве частных выражений общего образца или отклонений от него²⁰. При этом Велер практически ничего не говорит о культуре, не выделив ее в качестве отдельной «оси». Культура, по мнению Вельскопа, напротив, «сама обладает структурным измерением» и не может быть абсолютно детерминирована категорией «общества»²¹. Она включает в себя не только человеческий опыт, который можно измерить, но и такие абстрактные категории, как «воображение», «память», «мотивация», «коммуникация». К такому выводу Вельскопа привела современная практика использования понятия «дискурс».

Г.-У. Велер охотно включается в дискуссию с историками, принадлежащими к новому поколению, хотя его прежние коллеги уже более чем десятилетие как оставили Билефельд, получив профессию в других университетах, а сама научная школа прекратила существование. Оставаясь одним из самых авторитетных и часто публикуемых историков Германии, профессор Билефельдского университета Велер полагает, что историкам новых историографических направлений не хватает аргументированности, теоретической ориентированности и стремления к обобщениям, чему, собственно, они могли бы поучиться у историков Билефельдской школы»²². Тем не менее, он соглашается с необходимостью представления в историческом процессе субъективного опыта, но понимает этот процесс по-своему, исходя из учения М. Вебера. В одной из статей, отвечая на критику историков повседневности, Велер отметил, что важно внести историзм в само допущение «формирующей роли сверхиндивидуальных сил», то есть «тотально-социетальных структур и процессов»²³. Его интересует прежде всего исследование определенным образом структурированного результата деятельности группы индивидов, опыта большинства, что, собственно, характеризует степень допущения индивидуальных моментов в его понимании истории.

Отвечая на критику своих учеников, Г.-У. Велер ссылается на неопределенность центральной категории их умозаключений – культуры, так как уже в этом вопросе среди них не наблюдается никакого единст-

²⁰ Welskopp. 1998.

²¹ Ibid. S. 179.

²² Wehler. 1998.

²³ Wehler. 1986.

ва. Несмотря на то, что «само понятие культуры зачастую остается аморфным и балансирует между всевозможными значениями», Велер различает два подхода к её определению²⁴. Защитники одного из них, по его мнению, стремятся осмыслить область применения понятия «культуры», при помощи анализа смысловых значений и картин мира, ритуалов и символов, языковых структур и индивидуального опыта. Сторонники другого, широкого понимания этой центральной категории, «при помощи взятого из этнологии понятия «культуры», стремятся ввести понятие тотального общества. При этом они нередко впадают в заблуждение, стремясь охватить иллюзию тотальности, вместо того, чтобы всецело сконцентрироваться на обосновании её полезности для исследования»²⁵. Отмечая скепсис историков нового поколения в отношении идеи прогресса и их стремление рассматривать культуру как уникальное явление, Г.-У. Велер настаивает на том, что культура, в качестве одной из сфер общественной жизни, рационализировалась наравне с экономикой, политикой, социальной структурой и т.д. «Применение понятия рационализации» к культуре выражается в «подъеме науки, секуляризации и расчистке мира, расширении мышления о цели и средствах инструментального знания»²⁶.

Точку зрения Г.-У. Велера поддерживает его коллега по научной школе Юрген Кокка, который после Билефельдского университета получил профессуру в Свободном университете Берлина. Он делает осторожное замечание, что категория «культура» обладает двумя тесно взаимосвязанными измерениями. С одной стороны, полагает ученый, она представляет «сетку» взаимосвязанных образцов и тактик поведения, содержащих информацию о правильном и неправильном, прекрасном и безобразном, добром и злом. Это, по мнению ученого, формирует исторический контекст. При помощи таких культурных «образцов» можно интерпретировать как действия групп, так и в определенной мере поведение индивидов. С другой стороны, она содержит символическое измерение, имеющее скрытый смысл и позволяющее понять специфику обыденного восприятия, ментальности, индивидуальный опыт²⁷. Примером, демонстрирующим сочетание обоих культурных измерений, может служить теория социального протеста. Она позволяет понять, во-первых, зависимость протеста от процесса индустриализа-

²⁴ Wehler. 2001. S. 65.

²⁵ Wehler. 1998. S. 147.

²⁶ Wehler. 1987. S. 14.

²⁷ Kocka. 1986. S. 86.

ции, уровня жизни, урбанизации, во-вторых, надежды и страх, опыт и позиции протестующих людей. Принимая во внимание отсутствие должного анализа и проработанности социальными историками второго измерения «культуры», критика справедлива и продуктивна²⁸.

В настоящее время, в работах Г.-У. Велера присутствуют идеи, касающиеся возможности интеграции опыта социальной и культурной истории, хотя многое остается весьма спорным. Руководствуясь аксиомой, что «невозможно адекватно охватить общество без культуры и культуру без общественного влияния», Г.-У. Велер старается понять, каким образом можно интегрировать микро- и макроисторию, несмотря на различие их методологических подходов. Он соглашается с необходимостью учитывать индивидуальный опыт исторических субъектов, но, вместе с тем полагает, что это должен быть суммированный опыт «большинства». В результате продолжительных дискуссий с представителями другого поколения историков, он пришел к пониманию того, что «другая культурная история» обращается к тому, как «большинство», представленное группой индивидов, формирует свой опыт, по-своему переживая расширение товарного производства, усиление власти государства и бюрократии. В этой связи Г.-У. Велер поднимает вопрос о том, действительно ли представления о больших контурах исторической жизни, о процессах и структурах, совпадают с опытом большинства²⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Интервью с профессором Билефельдского университета Г.-У. Велером // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008.
- Козеллек Р.* Вернер Конце: традиция и обновление // Thesis. 1993. Вып. 1.
- Людке А.* Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. М., 1999.
- Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft.* H. 1. Vorwort. 1975.
- Jordan St.* Theorien und Methoden der Geschichtswissenschaft (Orientierung Geschichte). Paderborn, 2009.
- Kocka J.* Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte, in: Sozialgeschichte in Deutschland / Hrsg. von W. Schieder, V. Sellin. Göttingen, 1986.
- Mergel Th., Welskopp Th.* Geschichtswissenschaft und Gesellschaftsgeschichte // Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. München, 1997.
- Nolte P.* Historische Sozialwissenschaft // J. Eibach, G. Lottes (Hg.) Kompass der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 2002.
- Oberkrome W.* Volksgeschichte. Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918-1945. Göttingen, 1993.

²⁸ Ibid. S. 87.

²⁹ *Wehler.* 2000. S. 165.

- Rürup R.* Zur Einführung, in: Historische Sozialwissenschaft. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis. Göttingen, 1977.
- Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus. In: Rüdiger Hohls, Konrad H. Jarausch (Hrsg.). Stuttgart, 2000.
- Wehler H. – U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd.2: Von der Reformära bis zur industriellen und politischen "Deutschen Doppelrevolution" 1815–1849. München, 1987.
- Wehler H.-U.* Die Herausforderung der Kulturgeschichte, München 1998.
- Wehler H.-U.* Eine lebhafte Kampfsituation. Ein Gespräch mit Manfred Hettling und Cornelius Torp. München, 2006.
- Wehler H.-U.* Historisches Denken am Ende des XX Jahrhunderts 1945–2000. Göttingen, 2001.
- Wehler H.-U.* Rückblick und Ausblick – oder: arbeiten, um überholt zu werden? // Perspektiven der Gesellschaftsgeschichte / Hrsg. von P. Nolte. München, 2000.
- Wehler H-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1 (1700–1815): Vom Feudalismus des alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära. München, 1987.
- Wehler H-U.* Königsweg zu neuen Ufern oder Irrgarten der Illusionen? Die Westdeutsche Alltagsgeschichte: Geschichte "von innen" und "von unten", in: "Geschichte von unten – Geschichte von innen" – Kontroversen um die Alltagsgeschichte / Hrsg. F.-J. Bruggemeier, J. Kocka. Fernuniversität Hagen, 1986.
- Welskopp Th.* Die Sozialgeschichte der Väter. Grenzen und Perspektiven der Historischen Sozialwissenschaft // Geschichte und Gesellschaft. 1998. S. 173–198.

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Филиала РГГУ в Костроме; aturigin@mail.ru